

Социальное конструирование сексуальных сценариев в подростковом возрасте

Статья посвящена изучению особенностей сексуального поведения московских подростков и продолжает цикл наших работ, направленных на изучение социально-психологических аспектов подростковой сексуальности (Собкин, Абросимова, Адамчук, Баранова, 2004, 2005; Собкин, Баранова, 2006). Принципиальное отличие данной работы от предыдущих наших публикаций заключается в том, что здесь мы предпримем попытку рассмотрения и интерпретации полученных данных с позиции теории сексуальных сценариев. В этой связи в статье будут рассмотрены три, на наш взгляд, важных момента. В первой части мы обсудим значение сексуальности в подростковом возрасте, при этом основное внимание мы уделим представлениям, разрабатываемым в рамках теории сексуальных сценариев. Вторая часть будет посвящена обзору западных исследований подростковой и юношеской сексуальности, проводимых на основе сценарного подхода. И, наконец, третья часть работы, в основу которой легли результаты социологического опроса 2983 школьников, будет направлена на выявление взаимосвязи между спецификой отношения подростков к собственному сексуальному опыту (индивидуальный сценарий), стилевыми особенностями поведения с партнером (межличностные сценарии) и характером взаимоотношений подростков с ближайшим социальным окружением по поводу своей половой жизни. Таким образом, мы попы-

таемся выделить типы сценариев сексуального поведения, охарактеризовав различные индивидуальные сценарии московских подростков через стилевые особенности их поведения с партнером (что соответствует межличностному уровню) и специфики взаимоотношений подростка со своим ближайшим социальным окружением.

1. Значение сексуальности в подростковом возрасте

На принципиальное значение сексуальности в подростковом возрасте указывали многие как зарубежные, так и отечественные ученые. Наиболее значительной психологической теорией, объясняющей специфику подростковой сексуальности, являлся психоанализ. Согласно психоаналитическим представлениям, пробуждение сексуальности происходит еще до пубертата, в детском возрасте, поэтому феномены отрочества объясняются через особенности детства, которое как бы воспроизводится в подростковом возрасте, возрождая старые конфликты. Именно в отрочестве индивид приобретает богатый опыт фантазирования, который охватывает либидозные влечения и эрогенные зоны, и пытается реализовать свои фантазии в поведении, одобряемом одновременно и сверх-Я, и требованиями социального окружения.

В противовес этой «экспрессивной» модели сексуальности в 1980-е годы Миллер и Саймон выдвигают «конструктивную модель», которая впоследствии была преобразована в теорию сексуального сценария (Miller and Simon, 1980; Gagnon and Simon, 1984, 1986, 1987). Согласно этой модели, подростковый опыт заметно превосходит простое выражение усвоенного в детстве сексуального сценария и включает личный опыт жизни подростка, сексуальные знания, полученные в детстве и отрочестве, и социальные влияния, связанные с преобладающими социальными нормами. Таким образом, сексуальное поведение складывается из взаимодействия культурных представлений о сексуальности, индивидуальных (психологических и физиологических) особенностей подростка и специфики межличностного взаимодействия (Maticka-Tyndale, 1991).

В рамках этой теории сексуальное поведение рассматривается как сценарное поведение. Сценарии предусматривают, с кем, когда, где и как люди могут делать будучи «носителями» и «исполнителями» сексуальности. По сути, сексуальный сценарий представляет собой обусловленную культурой и в значительной мере неосознаваемую схему или программу, на основе которой люди организуют, осмысливают и оценивают свое сексуальное поведение. Изучение сексуальных сценариев и формирование сексуального поведения осуществляется на трех уровнях: культурном, межличностном и индивидуальном. На *культурном уровне*, сценарии определяют общие образцы ожидаемого сексуального поведения, их «инструкции» воплощены в организации социальных институтов, в практиках (опытах) повседневной жизни. Как отмечают многие ученые, наиболее влиятельным на этом уровне каналом информации, который транслирует знания о сексе, в особенности для подростков, являются СМИ. На *межличностном уровне*, сценарии представляют собой определенные паттерны взаимодействия с другими людьми, позволяющие индивиду действовать в сексуальных ситуациях. Межличностные сценарии всегда выпол-

няют роль посредника между социальными нормами и индивидуальными представлениями человека. Они обычно складываются не только из ожиданий партнера, но и под влиянием тех представлений, которые транслируют подростку родители и сверстники (Sperhens and Fillips, 2005). И, наконец, *индивидуальный уровень* охватывает совокупность специфических для данной личности и неразрывно связанных с образом Я потребностей, мотивов, предпочтений, оценок. Причем, как считают Гэньон и Саймон, индивидуальный сценарий не является выражением биологических желаний и потребностей и не находится в оппозиции к культурному сценарию, а наоборот, формируется под влиянием культуры (Gagnon and Simon, 2003).

Как мы видим, основные принципы сценарного подхода при изучении сексуального поведения базируются на фиксации значимости социокультурных процессов по сравнению с биологическими факторами, которые хотя и влияют на сексуальное поведение, играют тем не менее вторичную роль в определении составляющих этого поведения и того, как оно интерпретируется (Laumann et al., 1994). Из данного положения вытекает и своеобразие того значения, которое представители данного подхода придают подростковому возрасту. Для них подростковый возраст знаменателен не только биологическими изменениями, но и принципиально новым социальным статусом, который признает за подростком право вести сексуальную жизнь. Как отмечают Гэньон и Саймон, «начало подросткового возраста знаменует собой первое признание обществом того, что индивидуум обладает сексуальной компетенцией...и репрезентирует начало взрослой сексуальности» (Simon, Gagnon, 1998). Однако специфика российской реальности, где консервативная половая мораль сосуществует с развивающейся тенденцией к либерализации отношения общества к сексуальной сфере и сужению «запретного в культуре», накладывает особый отпечаток на особенности сексуальной социализации российских подростков (Кон, 2001, 1997), что подчеркивает актуальность нашего исследования.

2. Западные исследования подростковой и юношеской сексуальности в рамках сценарного подхода

С появлением теории сексуальных сценариев исследователи стали активно использовать ее в своих научно-практических работах, анализируя с ее помощью различные аспекты сексуального поведения подростков. Эти исследования проводились на разных популяциях (афро американцев, белых, латино американцев, тайландцев и т.д.) и рассматривали различные стороны сексуальной жизни молодежи: ухаживания, сексуальное взаимодействие, контрацепция и связанная с ней проблема ВИЧ и СПИДа, гомосексуализм, сексуальные изнасилования и т.д. В нашем обзоре мы коснемся лишь тех исследований, которые связаны с характеристикой сценариев ухаживания, сексуального взаимодействия и безопасного секса.

2.1. Сценарии ухаживания

Традиционный гетеросексуальный сценарий ухаживания рисует молодого человека как инициатора ухаживания, а девушку как «устанавливающую барьер» для него (Peplau et al., 1977; Byers, 1996; Maticka-Tyndale, 2005). Девушка же, которая сама является инициатором ухаживания, рассматривается как сексуально доступная, в то время как молодой человек, который не ищет возможностей проявить свою активность в процессе взаимодействия с девушкой, сразу же вызывает сомнения относительно своей мужественности и/или сексуальной ориентации. Более того, традиционная гетеросексуальная теория сценариев постулирует, что склонность мужчины к ухаживанию основывается на потенциальной сексуальной привлекательности женщины, в то время как заинтересованность женщины в мужчине связана с оценкой того, насколько мужчина готов эмоционально включиться в отношения.

Хотя традиционные представления и описывают молодого человека инициато-

ром ухаживания, некоторые исследования показали, что девушка довольно часто сама проявляет инициативу, но делает она это посредством весьма тонких, невербальных знаков (например, контакта глаз, улыбки, позы, жестов; см.: Maticka-Tyndale, 2005; Seal and Ehrhardt, 2003), на которые мужчина открыто отвечает (например, начинает первым разговор; см.: Moore, 1995; Perper, 1989). Исследователи также отмечают растущее одобрение открытого выражения женщиной готовности самой начать ухаживание (Clark and Hatfield, 1989; deWeerth and Kalma, 1995), что способствует возникновению «сценариев перевертышей», в которых женщина является активным инициатором не только ухаживаний, но и сексуальных взаимодействий (Seal & Ehrhardt, 2003). В то же время наряду с этой тенденцией, другие исследователи отмечают, что на ранних стадиях гетеросексуального ухаживания по-прежнему сохраняется тенденция к поддержанию традиционных гендерных стереотипов и сценариев (Rose and Frieze, 1989, 1993). Большая приверженность к традиционным пола ролевым стереотипам прослеживается среди афро американской, латино американской и африканской популяций (Ehrhardt et al., 1992; Wyatt, 1994; Gomez and Marin, 1996; Seal et al., 2000; Maticka-Tyndale, 2005).

Молодые люди обычно испытывают потребность в сексуальной близости на более ранних этапах ухаживания, чем девушки. Для девушки же сексуальная близость описывается в терминах любви и романтических отношений (Hynie et al., 1998; Rosenthal et al., 1998; Ortiz-Torres et al., 2003). Сексуальные отношения мужчин функционируют в рамках двух главных дискурсов: секс как любовь и романтические отношения, секс как завоевание (Brooks, 1995; Rosenthal et al., 1998; Seal et al., 2000). Молодые люди чаще, чем девушки, отмечают в качестве мотивов вступления в сексуальные отношения потребность в удовольствии, сексуальном влечении, в то время как у девушек определяющую роль играет любовь, обязательства и эмоциональная близость (Leigh, 1989; Hynie et al., 1998).

2.2. Сценарии сексуального взаимодействия

Стоит отметить, что, так же как и при ухаживании, при рассмотрении сексуального взаимодействия прослеживается доминирование традиционного сексуального сценария, который характеризует юношу в качестве активного инициатора сексуального взаимодействия, а девушку как ограничивающую его (O'Sullivan and Byers, 1992, 1993; Brooks, 1995; Tiefer, 1995; Byers, 1996). Ожидается, что юноши проявляют больше инициативы и стремятся использовать любые возможности, предполагающие сексуальное взаимодействие, в то время как девушки откладывают момент сексуальной близости, пока между ней и юношей не установится тесный эмоциональный контакт. Традиционный двойной стандарт (т.е. различие норм сексуального поведения для мужчин и женщин) фиксирует, что такие формы сексуальной активности, как случайный секс, секс с несколькими партнерами, групповой секс, а также сексуальное экспериментирование, считаются более допустимыми для молодых людей, чем для девушек (Reiss, 1967; Кон, 2001).

Несмотря на то, что данные многих исследований предоставляют информацию о широком распространении, как в представлениях, так и в поведении юношей и девушек традиционного гетеросексуального сценария, в некоторых работах показано, что более распространенным и нормативным становится «сценарий сексуального равенства», и преобладают установки для обоих полов на ведение сексуальной жизни в рамках стабильных, любовных отношений (Bettor et al., 1995; O'Sullivan, 1995; Byers, 1996; Кон, 2001). Исследователи также обнаружили, что чем более доверительными и стабильными становятся отношения между партнерами, тем чаще проявляется тенденция к равноправной инициации сексуальных действий (O'Sullivan and Byers, 1992; Seal & Ehrhardt, 2003). И юноши и девушки в равной мере могут быть инициаторами сексуального взаимодействия, отказываться от секса, а также вступать в нежелательные, ненасильственные сексуальные

отношения (O'Sullivan and Byers, 1992; O'Sullivan and Allgeier, 1998). Но, тем не менее, исследования показывают, что вне стабильных отношений нормы двойного стандарта по-прежнему остаются неизменными (Hatfield and Rapson, 1996; Ortiz-Torres et al., 2003).

В целом, учитывая приведенные факты, многие ученые сходятся во мнении, что гетеросексуальные сценарии ухаживания и сексуального взаимодействия в западных обществах находятся в состоянии переходного периода (Schwartz and Rutter, 1998; Alexis, 1999). Это создает весьма веские предпосылки для возникновения конфликтов. Если мужчина и женщина следуют традиционному сексуальному сценарию, соответствуя в своем поведении заданным поло ролевым нормативам (мужчина инициатор, а женщина устанавливает барьеры), никакого конфликта не возникает. Если же не происходит принятия традиционных ролей и сценариев, то появляется необходимость в создании альтернативных, нетрадиционных сценариев. Так, например, Сил и Эхрард, показали, что появление новых сценариев повышает вероятность того, что партнеры не будут разделять общих ожиданий относительно «индивидуальных» и «межличностных» сценариев, управляющих процессом ухаживания и сексуального взаимодействия, а также способствовать общей напряженности во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной (Seal and Ehrhardt, 2003).

2.3. Сексуальные сценарии и безопасный секс

Изучение сексуальных сценариев также важно для понимания рискованного сексуального поведения, особенно в контексте распространенности ВИЧ, СПИД и разработки адекватных стратегий по предупреждению этих явлений и формированию здоровьесберегающего поведения. Стоит отметить, что основной акцент в исследованиях, посвященных данной тематике, ставится на изучении стратегий избегания сексуального взаимодействия и на использовании презерватив-

вов (Maticka-Tyndale, 1991, 2005). Так, например, в исследовании Хайни, которое было проведено на американских студентках, было выявлено, что использование презервативов как юношами, так и девушками наиболее распространено в рамках случайных сексуальных связей, в то время как в сценариях, фиксирующих ориентацию на серьезные, доверительные отношения использование презерватива фиксировалось крайне редко (Hynie et.al., 1998). По мнению Хаммер, Пилкингтон, использование или неиспользование презервативов тесно переплетается с уровнем доверия к партнеру и вовлеченностью в любовные отношения (Hummer, 1996; Pilkington, 1994). Как показывают данные еще одного обследования афро американских молодых людей, использование презервативов в значительной мере зависит от того, как мужчина воспринимает женщину: рассматривает ли он ее как опасную («грязную»), либо как неопасную («чистую») (Gilmore, DeLamater, Wagstaff, 1996).

Итак, анализ проведенных исследований показывает, что в целом ученые склонны описывать сценарии через особенности взаимоотношений между партнерами. В качестве базовых оснований для построения сценариев выделяются различия между юношами и девушками в инициации взаимодействия, причинах и целях вступления в отношения, характере этих отношений, ожиданиях относительно поведения партнера и использовании контрацепции. Однако стоит отметить, что сценарии сексуального поведения зависят не только от специфики взаимоотношений с партнером, но и от доминирующего влияния микросоциального окружения и тех норм, которые через него транслируются. В упущении данного факта прослеживается явный недостаток этих исследований. Более того, значение микросоциального окружения особенно актуально при изучении сексуальных сценариев подростков, поскольку посредством родителей и сверстников не только транслируются определенные культурные нормы и стереотипы сексуального поведения с партнером (межличностные сценарии), но и формируется отношение к собственной сексуальности (индивидуальный сценарий). В

этом смысле окружение подростка необходимо рассматривать как необходимую составляющую сценарного взаимодействия, которое задает рамки морально одобряемого и неодобряемого поведения и транслирует культурные значения. Если реальное поведение подростка совпадает с принятыми в данной культуре нормами, то у него не возникает внутренних противоречий, если же эти требования оказываются чуждыми, как личным предпочтениям подростка, так и его поведению, то возникнет конфликт. В этом случае появляется необходимость в использовании разных стратегий по преодолению несоответствия между поведением подростка и приемлемыми в обществе культурными предписаниями через формирование индивидуального сценария и адаптацию нормативных предписаний в ситуации межличностного взаимодействия как с партнером, так с родителями и сверстниками. В этой связи основной целью нашей работы является не только выявление специфики взаимосвязи индивидуального и межличностного сценариев, но и особенностей взаимоотношений подростков с ближайшим социальным окружением. При этом межличностный уровень в нашем понимании включает в себя особенности сексуального взаимодействия, которые выражаются через такие поведенческие характеристики, как постоянство сексуального партнера, регулярность ведения половой жизни и использование контрацепции. Индивидуальный же уровень характеризуется отношением подростка к собственной половой жизни, которая задается через оценку возрастной нормы, ограничивающей ведение сексуальной жизни.

3. Социально-психологические особенности сексуального поведения подростков (по результатам социологического опроса)

При описании результатов нашего исследования, которое базируется на опросе 2983 учащихся 7-х, 9-х и 11-х классов, мы будем

придерживаться следующей логики. Сначала опираясь на простые частотные распределения, полученные в ходе этого опроса, мы кратко охарактеризуем: 1) специфику отношения подростков к собственной сексуальной жизни через принятие или отвержение возрастной ограничительной нормы, 2) стилевые особенности сексуального взаимодействия с партнером и 3) взаимоотношения подростка с микросоциальным окружением в зависимости от социально-демографических и социально-статификационных факторов. Затем на основе специально проведенного факторного анализа мы, во-первых, попытаемся установить взаимосвязи между перечисленными тремя аспектами сексуальной жизни подростков и, во-вторых, приведем описание различных индивидуальных сценариев поведения юношей и девушек, в основе которых лежит «конфликтный» или «бесконфликтный» тип отношения к собственному сексуальному опыту.

3.1. Соблюдение возрастной ограничительной нормы

Для изучения нормативных представлений подростков относительно допустимости сексуальных контактов в их возрасте мы выделили четыре ситуации, которые логически структурируют разные варианты соотношений между принятием/отвержением подростком ограничительной нормы и его

реальным поведением (наличием/отсутствием опыта сексуальных отношений).

Первая ситуация характеризует группу подростков, которые ориентированы на принятие возрастной ограничительной нормы и следуют ей на поведенческом уровне: «Я считаю, что сексуальные контакты *недопустимы* в моем возрасте, и *не веду* половую жизнь». Вторая ситуация дает основание для выделения группы подростков, которые считают, что возрастная запретительная норма отнюдь не является «безусловной», однако они следуют ей на поведенческом уровне: «Я считаю, что сексуальные контакты *вполне допустимы* в моем возрасте, но сам(а) *не веду* половую жизнь». Третья ситуация позволяет выделить группу подростков, которые переживают ситуацию сексуальных отношений как конфликтную, когда запретительная норма принимается на когнитивном уровне, но нарушается на поведенческом: «Я понимаю, что в моем возрасте *еще рано вступать* в сексуальные отношения, но тем не менее *веду* половую жизнь». И, наконец, четвертая ситуация характеризует тех подростков, кто уже не фиксирует конфликт между соблюдением возрастной нормы и поведением: «Я считаю, что сексуальные контакты совершенно *естественны* в моем возрасте, и *веду* половую жизнь».

Эти четыре ситуации и были предложены респондентам в качестве вариантов ответов на специально сформулированный вопрос о допустимости сексуальных контактов

Таблица 1

Соблюдение/несоблюдение подростками возрастной нормы, накладывающей запрет на вступление в сексуальные отношения (%)

Варианты ответа	Общее	Мальчики	Девочки	P=
Я считаю, что сексуальные контакты не допустимы в моем возрасте, и не веду половую жизнь	36,2	29,6	41,9	.00001
Я считаю, что сексуальные контакты допустимы в моем возрасте, но сам (а) не веду половую жизнь	37,2	37,3	36,9	–
Я понимаю, что в моем возрасте еще рано вступать в сексуальные отношения, но тем не менее веду половую жизнь	3,7	4,5	3,0	–
Я считаю, что сексуальные контакты совершенно естественны в моем возрасте, и веду половую жизнь	12,2	16,1	8,8	.00001
Я затрудняюсь ответить	10,9	12,5	9,5	.01

в их возрасте. Распределение ответов приведено в таблице 1.

Приведенные в таблице данные позволяют сделать вывод о том, что практически каждый шестой подросток имеет опыт сексуальных отношений (15,9%). На безусловное принятие возрастной запретительной нормы и следование ей («Сексуальные контакты не допустимы в моем возрасте, и я не веду половую жизнь») указывает чуть более трети (36,2%). Причем доля таких ответов существенно выше среди девочек, чем среди мальчиков, соответственно: 41,9% и 29,6% ($p=.00001$). В то же время явно отвергает данную норму и не следует ей («Я считаю, что сексуальные контакты совершенно естественны в моем возрасте, и веду половую жизнь») примерно каждый девятый — 12,2%. Число таких ответов у мальчиков в два раза выше, чем у девочек, соответственно: 16,1% и 8,8% ($p=.00001$). В целом приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в подростковой среде отчетливо проявляются гендерные различия относительно принятия и следования возрастной норме, запрещающей половые связи.

Особый интерес представляет возрастная динамика ответов. Полученные данные показывают, что основные изменения как у мальчиков, так и у девочек происходят на рубеже 9-го класса. Так, доля тех, кто безусловно принимает запретительную норму, уменьшается у мальчиков с 56,6% в 7-м до 19,2% в 9-м классе ($p=.00001$); у девочек с 73,4% в 7-м до 34,8% в 9-м ($p=.00001$). Параллельно растет число подростков, считающих, что сексуальные отношения в их возрасте вполне допустимы, и в то же время указывающих на то, что сами они не ведут половой жизни: у мальчиков их доля увеличивается с 25,8% в 7-м классе до 45,5% в 9-м ($p=.0001$); у девочек соответственно: с 15,5% до 48,2% ($p=.00001$). Подобная динамика свидетельствует о том, что на рубеже перехода в старшее звено школы происходит переоценка значимости возрастной нормы, ограничивающей вступление подростков в сексуальные отношения. Вместе с тем подчеркнем, что хотя норма здесь уже не рассматривается как безусловная, значи-

тельная часть подростков продолжает следовать ей в своем поведении.

Наиболее же явно о переоценке значимости запретительной нормы свидетельствует возрастная динамика выбора варианта ответа, фиксирующего отказ от нормы как на когнитивном, так и на поведенческом уровне: «Я считаю, что сексуальные контакты совершенно естественны в моем возрасте и веду половую жизнь». Доля тех, кто ведет половую жизнь и не испытывает негативных переживаний, связанных с нарушением возрастной нормы, среди мальчиков возрастает с 1,4% в 7-м до 15,2% в 9-м классе, а в 11-м их число достигает уже 39,4% ($p=.00001$). У девочек доля, ведущих половую жизнь и считающих это допустимым, составляет 1,4% в 7-м; 4,7% в 9-м, а в 11-м — 22,8% ($p=.0002$). Как мы видим, у девочек явный отказ от соблюдения ограничительной нормы обнаруживается позже, чем у мальчиков — между 9-м и 11-м классами.

Однако наибольший интерес представляет выбор варианта ответа, где фиксируется выраженная конфликтная ситуация, указывающая на рассогласование между принятием возрастной запретительной нормы и поведением: «Я понимаю, что в моем возрасте еще рано вступать в сексуальные отношения, но тем не менее веду половую жизнь». Если иметь в виду средние данные относительно общей выборки, то число респондентов, выбравших данный вариант ответа, относительно невелико — 3,7%. В возрастном плане динамика в целом не столь выражена, как при анализе предыдущих вариантов ответов (у мальчиков в 7-м классе — 2,0%, в 11-м — 5,5%; у девочек соответственно — 0,2% и 6,4%). Вместе с тем, если проанализировать выбор данного варианта ответа не от общей выборки опрошенных школьников, а именно от тех, кто указал, что уже ведет половую жизнь, то возрастная динамика проявляется весьма своеобразно. Так, среди мальчиков, ведущих половую жизнь, более половины фиксируют переживание конфликта вследствие нарушения ими возрастной нормы — 58,8%; в 9-м их число сокращается до 29,3%; в 11-м доля таких

ответов составляет лишь 12,3%. Иными словами, среди мальчиков, ведущих половую жизнь, конфликтность нарушения возрастной нормы к старшим классам последовательно снижается. У девочек же тенденция рассогласования запретительной нормы и поведения имеет более сложный характер: в 7-м классе фиксируют переживание конфликта 12,5%; в 9-м их доля резко возрастает и составляет уже 38,6%; в 11-м классе проявляется та же тенденция, что и у мальчиков — число фиксирующих значимость переживания этого конфликта снижается до 21,9%. В связи с этим можно предположить, что семиклассницы, начинающие половую жизнь, не столь остро осознают собственно социальную составляющую сексуального поведения («нарушение нормы»). В 9-м же классе происходит осознание именно социального смысла нарушения возрастной нормы, ограничивающей вступление в сексуальные отношения, что и приводит к обострению переживания конфликта, связанного с нарушением нормы. В более старшем возрасте (11-й класс) запретительная норма уже утрачивает свою «безусловность», и, как следствие, снижается число тех, кто переживает конфликт, связанный с ее нарушением. В целом же, приведенные данные показывают, что к старшему школьному возрасту (11-й класс) социальная норма запрета на вступление в сексуальные отношения (как у мальчиков, так и у девочек) теряет свою актуальность и, по сути, утрачивает свою ограничительную функцию.

3.2. Стиливые особенности сексуального взаимодействия с партнером

Особое внимание здесь мы уделяли анализу следующих трех аспектов: регулярность ведения половой жизни, наличие постоянного сексуального партнера и использование средств контрацепции.

Полученные результаты показали, что среди школьников, имеющих опыт сексуальных отношений, почти каждый второй (46,5%) не ведет половой жизни. На эту

цифру следует обратить особое внимание, поскольку они показывают, что для значительного числа подростков само вступление в половую связь является, по всей видимости, лишь прецедентом. К сожалению, материалы проведенного исследования не дают возможности более детально рассмотреть характер сексуального поведения и сексуального опыта у этой группы подростков, а именно: был ли сексуальный контакт связан с принуждением, изнасилованием, следствием алкогольного опьянения и др. Поэтому здесь сам опыт сексуальных отношений, можно рассматривать, пожалуй, лишь как обозначение сексуального дебюта («Сексуальный контакт был»). Заметим, что по мере взросления от 9-го к 11-му классу число подростков, отмечающих наличие единичных сексуальных контактов, существенно снижается: у мальчиков в 9-м классе 57,1%, а в 11-ом — 42,3% ($p=.006$); у девочек, соответственно: 54,3% и 36,9% ($p=.02$).

Анализ материалов, касающихся изучения стилей сексуального поведения, показал, что мальчики в большей степени ориентированы на сексуальные связи («регулярные или эпизодические») с *разными* партнерами: 31,1% среди мальчиков и 12,5% среди девочек ($p=.05$). Для девочек же, напротив, более характерна, чем для мальчиков, ориентация на поддержание сексуальных отношений именно с *постоянным* партнером, соответственно: 45,0% и 19,7% ($p=.0006$). Эти данные говорят о том, что уже в подростковом возрасте достаточно отчетливо проявляются нормы «двойного стандарта», определяющие традиционалистские установки относительно мужского и женского поведения в сфере сексуальных отношений: полигамия и моногамия.

И, наконец, достаточно отчетливые различия проявились между мальчиками и девочками в отношении использования контрацептивов. Так, мальчики гораздо чаще чем девочки, отмечают, что они «постоянно» используют контрацептивы, соответственно: 63,5% и 50,4% ($p=.0009$). Девочки же чаще отмечают, что «вообще не пользуются контрацептивами» (15,6%); среди мальчи-

ков доля таких почти в два раза ниже — 8,8% ($p=.01$). Можно предположить, что отмеченные различия связаны с культурно-нормативными особенностями поло ролевого поведения. Поскольку при пропаганде «безопасного секса» и профилактике ЗППП основной акцент ставится на использовании «барьерной контрацепции» (как правило, на использовании презерватива), то именно этот контрацептив и является наиболее распространенным среди российской молодежи. В этой связи правомерен вывод о том, что в современной подростковой субкультуре ответственность за вопросы, связанные с использованием контрацептивов, как правило, несет юноша.

В целом полученные результаты показывают, что именно стилевые особенности сексуального поведения уже на этапе подросткового возраста выступают как значимые индикаторы, наиболее отчетливо дифференцирующие своеобразие традиционалистских мужских и женских установок, касающихся нормативной регуляции в сфере сексуальных отношений.

3.3. Взаимоотношения с микросоциальным окружением

Анализ стратегий детско-родительского общения на темы секса показал, что большинство школьников предпочитают не обсуждать свою сексуальную жизнь с родителями. Этот вариант ответа учащиеся отмечают наиболее часто как при ответе на вопрос об отношении матери к их половой жизни, так и при ответе на вопрос об отношении отца, соответственно: 39,4% и 42,2%. Необходимо также обратить внимание на то, что каждый третий подросток «скрывает» и от матери и от отца то, что ведет половую жизнь, соответственно: 36,5% и 37,7%. Отсюда можно сделать вывод о том, что большинство подростков (практически около 80%) не информируют родителей о своей половой жизни, предпочитая либо «скрывать» этот факт, либо просто «не обсуждать» его. Те же, кто обсуждает с родителями свою половую жизнь, отмечают в

основном «терпимое отношение» родителей: «терпимое отношение» матери фиксируют 19,0%, а отца — 17,3%. Лишь немногие подростки отмечают «крайне негативное» отношение родителей: матери — 5,1%; отца — 2,6%.

В отношениях же с одноклассниками прослеживается иная тенденция: большинство учащихся фиксируют либо «нормальное» (31,4%), либо «безразличное» (24,7%) отношение своих одноклассников. Таким образом, более половины подростков из тех, кто имеет опыт сексуальных отношений, указывают, что среди сверстников сам факт ведения половой жизни не рассматривается как явление, заслуживающее особого внимания или требующее выражения какого-либо особого отношения.

Стоит особое внимание обратить на то, что 12,4% подростков отметили, что предпочитают «скрывать» от одноклассников свою половую жизнь. Таким образом, число придерживающихся стратегии «сокрытия» от одноклассников практически в три раза ниже, чем число избирающих подобную стратегию поведения в отношениях со своими родителями. Иными словами, ситуация общения по поводу своей сексуальной жизни гораздо более «открыта» в школьной среде по сравнению с ситуацией общения в семейном кругу. На открытое «осуждение» со стороны одноклассников указывает лишь 1,0%. В этой связи стоит отметить, что число тех, кто указывает на явно «позитивные» оценки со стороны одноклассников по поводу своей половой жизни существенно больше: 6,5% школьников отмечают, что их «одноклассники одобряют», а 3,6% учащихся фиксируют, что «одноклассники им завидуют». Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что выраженные негативные, «осуждающие» реакции по поводу ведения половой жизни в подростковой субкультуре подавляются (их не принято выражать между сверстниками), в то время как позитивные, «поддерживающие» реакции гораздо более распространены. Иными словами, подростковая среда в целом склонна позитивно относиться к факту нарушения возрастной нормы на ведение сексуальной жизни.

3.4. Структурный анализ особенностей взаимосвязи сексуальных сценариев подростков на индивидуальном и межличностном уровне и специфика взаимоотношений с ближайшим социальным окружением.

Здесь мы предпримем попытку, направленную на выявление взаимосвязей между особенностями отношения подростков к собственному опыту, задаваемую через соотнесение собственного сексуального поведения с возрастной нормой запрета на вступление в сексуальные отношения (напомним, что оно соответствует индивидуальному уровню), со стилем их сексуального поведения с партнером (межличностный уровень), а также их взаимоотношениями с ближайшим социальным окружением (как с родителями, так и с одноклассниками и друзьями). С этой целью нами была использована процедура факторного анализа. В качестве основных подвыборок мы выделили среди тех подростков, кто уже имеет опыт сексуальных отношений, четыре группы: *конфликтные мальчики, конфликтные девочки* («Я понимаю, что в моем возрасте еще рано вступать в сексуальные отношения, но тем не менее веду половую жизнь») и *бесконфликтные мальчики, бесконфликтные девочки* («Я считаю, что сексуальные контакты совершенно естественны в моем возрасте, и веду половую жизнь»). Относительно этих четырех групп была построена матрица исходных данных, фиксирующая особенности сексуального поведения и характер взаимоотношений с ближайшим социальным окружением у конфликтных и бесконфликтных подростков. Общая размерность матрицы составила 32(строки) × 4(столбцы). Ячейка матрицы (пересечение соответствующей строки и столбца) фиксирует процент выбора соответствующего варианта ответа в выделенных группах подростков. Эта матрица была подвергнута математической процедуре факторного анализа методом главных компонент с последующим вращением по критерию «Varimax» Кайзера.

В результате были выделены следующие три фактора, описывающие 100% общей суммарной дисперсии.

Первый биполярный фактор F1 (45,0% суммарной дисперсии): «Моногамия — Полигамия» имеет следующую структуру:

Я веду половую жизнь эпизодически с <i>постоянным</i> партнером	.96
Я пользуюсь средствами контрацепции от случая к случаю	.91
Я вообще не пользуюсь средствами контрацепции	.90
Я пользуюсь средствами контрацепции, потому что боюсь нежелательной беременности	.89
Я веду половую жизнь регулярно, и у меня есть <i>постоянный</i> партнер	.74
Отец не знает, что я веду половую жизнь, я это скрываю от него	.65
Я постоянно пользуюсь средствами контрацепции	-.99
Отец знает, что я веду половую жизнь и относится к этому терпимо	-.99
Я веду половую жизнь эпизодически, но с <i>разными</i> партнерами	-.92
Одноклассники завидуют тому, что я веду половую жизнь	-.91
Я пользуюсь средствами контрацепции, потому что боюсь заразиться болезнями, передающимися половым путем	-.88
Одноклассники одобряют, что я веду половую жизнь	-.79
Я веду половую жизнь регулярно, но у меня <i>нет постоянного</i> партнера	-.76

При анализе данного биполярного фактора обращает на себя внимание явная оппозиция двух стилей сексуального поведения. Так, положительный полюс фиксирует ориентацию на моногамные сексуальные отношения («Веду половую жизнь с *постоянным* партнером»), а отрицательный — на полигамные («Веду половую жизнь с *разными* партнерами, нет постоянного партнера»). При этом подчеркнем, что данный фактор поляризуется именно по основанию постоянство/непостоянство сексуального партнера, а не относительно такого параметра, как регулярность/нерегулярность ведения половой жизни.

Следует заметить, что разный тип ориентаций на моногамные/полигамные отношения коррелирует с разными установками на использование средств контрацепции. Так, ведущие половую жизнь с *постоянным* партнером либо вообще не используют средства контрацепции, либо

пользуются ими эпизодически («от случая к случаю»). Причем основным мотивом использования контрацептивов является «боязнь нежелательной беременности». И, напротив, если мы обратимся к отрицательному полюсу фактора, то заметим, что ориентация на полигамные отношения характеризуется постоянным использованием средств контрацепции. При этом само использование мотивировано «боязнью заразиться болезнями, передающимися половым путем».

И, наконец, важно также обратить внимание на то, что моногамной или полигамной ориентациям соответствуют и разные типы взаимоотношений с социальным окружением: моногамной — стратегия *сокрытия от отца* факта ведения половой жизни, а полигамной, — напротив, фиксация информированности отца и его терпимого отношения. Добавим, что полигамная ориентация, терпимое отношение отца коррелируют и с позитивным отношением сверстников к ведению половой жизни (они «одобряют», «завидуют»).

Заданные этим фактором оппозиции содержательно еще более проясняются, если мы обратимся к особенностям размещения по его оси «конфликтных» и «неконфликтных» подростков. Результаты показывают, что фактор F1 поляризует именно тех мальчиков и девочек, кто не фиксирует у себя переживание конфликта, связанного с нарушением возрастной нормы, ограничивающей вступление в сексуальные отношения («Я считаю, что сексуальные контакты совершенно естественны в моем возрасте, и веду половую жизнь»). Так, наибольшие значения на положительном полюсе («моногамия») имеют *бесконфликтные* девочки (1,05), а на отрицательном («полигамия») — *бесконфликтные* мальчики (-1,28). Иными словами, отсутствие конфликта, связанного с переживанием запретительной нормы, когда ведение половой жизни рассматривается как вполне допустимое, проявляется не только в отношениях с партнером (полигамность/моногамность), но и в особенностях взаимоотношений подростка с ближайшим социальным окружением.

Второй фактор F2 «Легитимация сексуальной жизни — Табуирование сексуальной жизни» (29,3%) определяется следующим образом:

Я не обсуждаю с отцом темы, касающиеся моей половой жизни	.98
Одноклассники считают, что это (ведение половой жизни) вполне нормально	.89
Мать знает, что я веду половую жизнь, и относится к этому крайне негативно	.88
Одноклассникам все равно, что я веду половую жизнь	.83
Я не обсуждаю с матерью темы, касающиеся моей половой жизни	.73
<hr/>	
Одноклассники осуждают меня за то, что я веду половую жизнь	-.99
В настоящий момент я не веду половой жизни, но половой контакт был	-.94
Я скрываю от одноклассников, что я веду половую жизнь	-.93
Мать не знает, что я веду половую жизнь, я это скрываю	-.84
Отец не знает, что я веду половую жизнь, я это скрываю	-.75

В целом по своему содержанию данный фактор поляризует два разных типа взаимоотношений подростка со своим ближайшим социальным окружением (родителями и одноклассниками), которые можно задать через оппозицию «Легитимность — Табуирование».

Так, если мы обратимся к положительному полюсу данного фактора, то заметим, что он фиксирует нейтральное отношение одноклассников к факту ведения подростком половой жизни («Одноклассникам все равно, что я веду половую жизнь», «Одноклассники считают, что это вполне нормально»). При этом с родителями подросток предпочитает не обсуждать темы, касающиеся сексуальных отношений, демонстрируя тем самым свою самодостаточность и независимость от мнения родителей. Пожалуй, единственной фигурой в ближайшем социальном окружении подростка, которая еще удерживает возрастную запретительную норму на вступление в сексуальные отношения, является мать («Мать знает, что я веду половую жизнь, и относится к этому крайне негативно»). Таким образом, легитимация сексуальных отношений в данном случае определяется в первую очередь отсутствием со стороны одноклассников выраженных эмо-

циональных реакций (как позитивных, так и негативных) относительно факта ведения половой жизни. Во взаимоотношениях же подростка с родителями доминирует его стремление к самоустранению от обсуждения тем, касающихся своей сексуальной жизни, что можно рассматривать как своеобразное подчеркивание своей «взрослости».

Отрицательный же полюс характеризуется явно негативным («осуждающим») отношением одноклассников к половой жизни подростка. При этом как и в общении с одноклассниками, так и с родителями (и с отцом и с матерью) доминирует «стратегия сокрытия» имеющегося опыта ведения половой жизни. Добавим, что сам этот опыт в данном случае сводится лишь к прецеденту («Я не веду половой жизни, но половой контакт был»). Таким образом, отрицательный полюс данного фактора позволяет зафиксировать такой тип отношений подростка с ближайшим социальным окружением, когда проявление сексуальности всячески порицается и сверстниками, и родителями, что позволяет обозначить эту тенденцию как «табуирование». Заметим, что подобное табуирование (удержание запретительной нормы в ближайшем социальном окружении) актуализирует особый стиль сексуального поведения, при котором сексуальный опыт подростка сводится лишь к единичному сексуальному контакту.

Следует заметить, что данный фактор явно дифференцирует «конфликтных» и «бесконфликтных» подростков. Так, на его положительном полюсе с высокими значениями разместились неконфликтные девочки (1,06) и неконфликтные мальчики (0,63), а на отрицательном — те, кто считает, что «ведение половой жизни в их возрасте недопустимо, но тем не менее они ведут половую жизнь» (конфликтные девочки — 1,01, конфликтные мальчики — 0,68). Подобный характер размещения подтверждает правомерность определения данного фактора как «Легитимация — Табуирование».

Третий биполярный фактор F3 (25,6%) «Стремление к эмоциональной поддержке, одобрение матери — Стремление к повы-

шению личностного статуса, негативизм отца» выглядит следующим образом:

Я обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений, потому что это просто занятая тема для поддержания разговора	.99
Мать знает, что я веду половую жизнь, и относится к этому терпимо	.96
Я часто обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений	.89
Я время от времени обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений	.82
Я обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений, потому что хочу получить эмоциональную поддержку, сопереживание	.73
<hr/>	
Я обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений, потому что хочу повысить свою значимость в глазах сверстников	-.89
Я обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений, потому что хочу поделиться/перенять опыт	-.89
Отец знает, что я веду половую жизнь, и относится к этому крайне негативно	-.80
Я редко обсуждаю с друзьями темы, касающиеся сексуальных отношений	-.76

При обсуждении данного фактора следует обратить внимание на одну характерную особенность, которая явно отличает его от двух предыдущих. Она состоит в том, что он дифференцирует особенности стилей общения подростка на темы сексуальных отношений именно в системе межличностного общения с близкими «другими». Так, если предыдущий фактор поляризовал отношения с «одноклассниками», то здесь дифференцируются отношения именно с близкими сверстниками («друзьями»). Подобное отличие данного фактора принципиально для понимания его содержательной специфики.

Если мы обратимся к положительному полюсу фактора, то можно заметить, что в целом он характеризует открытый (и в определенном смысле экстравертированный) стиль общения подростка на сексуальные темы. Об этом свидетельствует не только стремление к частому обсуждению этих тем, но и мотивация, побуждающая подростка вступать в подобные разговоры с друзьями: «Потому что, это просто занятая тема для разговора» и «Потому что, хочу получить эмоциональную поддержку, сопереживание». Таким образом, подросток не

просто проявляет интерес к сексуальной тематике и готов ее обсуждать, но и эмоционально открыт для этого общения; он является не просто бесстрастным участником коммуникативного процесса, а эмоционально включен в него. Противоположный же отрицательный полюс фактора характеризует совершенно иной стиль общения. Здесь обсуждение тем, касающихся сексуальных отношений, происходит не только реже, но и мотивом их обсуждения является не потребность в эмпатии, а желание самоутвердиться, повысить свой личностный статус в кругу друзей за счет демонстрации своего сексуального опыта («Потому что хочу *повысить свою значимость* в глазах сверстников», «Потому что хочу *поделиться/пережить* опыт»). Итак, если положительный полюс фактора определяется стремлением к эмоциональной поддержке, то отрицательный — стремлением к повышению личностного статуса.

Во многом понимание обозначенных выше оппозиций проясняется, если мы обратимся к особенностям размещения по оси данного фактора выделенных нами групп подростков. Полученные материалы показывают, что наибольшие значения на положительном полюсе имеют конфликтные девочки (1,01), а на отрицательном — конфликтные мальчики (-1,31). Это позволяет сделать вывод о том, что данный фактор дифференцирует особенности ситуаций межличностного общения у мальчиков и девочек, переживающих вступление в сексуальные отношения как конфликт нарушения возрастной нормы. Если мальчики стремятся разрешить подобный конфликт путем самоутверждения за счет секса, придавая особое значение собственному сексуальному опыту в целях повышения своего личностного статуса среди друзей, то девочки преодолевают данное противоречие путем поиска сопереживания и сочувствия со стороны значимых других.

Заметим, что данный фактор дифференцирует ситуации межличностного общения конфликтных мальчиков и девочек не только со значимыми сверстниками, но и с родителями. При этом позиции отца и матери оказываются на разных полюсах фактора.

Подобные различия проясняют особенности детско-родительских отношений: если девочки, переживающие конфликт, фиксируют со стороны матери «терпимое» отношение к своей половой жизни, то мальчики — крайне негативное отношение отца. В этой связи особенности поведения подростка в кругу значимых сверстников (друзей) можно рассматривать как особую форму проявления защитной реакции на ситуацию, возникающую в системе детско-родительских отношений.

3.5. Гендерные различия в индивидуальных сценариях подростков

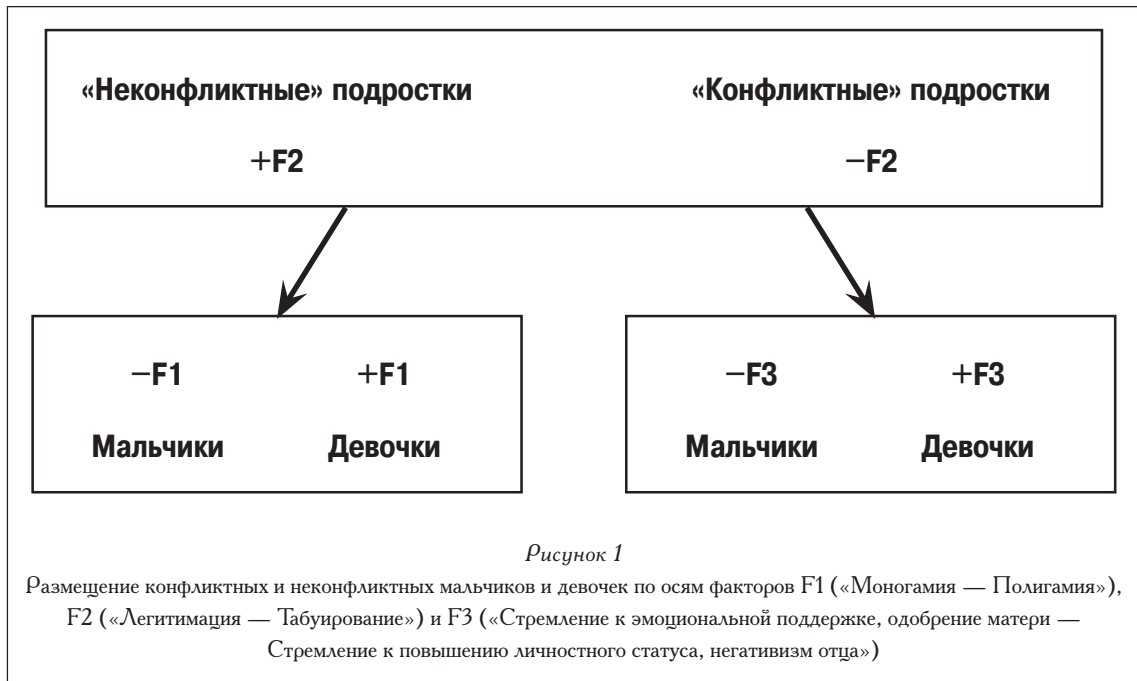
Как мы показали выше, каждый из выделенных факторов задает определенные содержательные оппозиции, характеризующие как своеобразие стилей сексуального поведения, так и особенности отношений учащихся с ближайшим социальным окружением по поводу их собственного опыта сексуальных отношений. Особый интерес представляет анализ размещений по осям данных факторов конфликтных и бесконфликтных мальчиков и девочек. Обратимся к таблице 2.

Как видно из таблицы, размещение по оси фактора F1 («Моногамия — Полигамия») дифференцирует «бесконфликтных» мальчиков и девочек. Фактор F3 («Стремление к эмоциональной поддержке, одобрение матери — Стремление к повышению личностного статуса, негативизм отца»), напротив, поляризует «конфликтных» дево-

Таблица 2

Значения по осям выделенных факторов конфликтных и бесконфликтных мальчиков и девочек

	F1	F2	F3
Конфликтные мальчики	-0,23894	-0,68304	-1,31391
Конфликтные девочки	0,46678	-1,00672	1,00928
Неконфликтные мальчики	-1,27562	0,63002	0,47527
Неконфликтные девочки	1,04777	1,05974	-0,17063

чек и мальчиков. И, наконец, фактор F2 задает содержательную оппозицию между «конфликтными» и «бесконфликтными» подростками. Схематично это представлено на рисунке 1.

Приведенные данные позволяют сделать следующий шаг в нашем анализе, который направлен на выявление особенностей смыслового содержания типов переживания опыта сексуальных отношений у конфликтных и бесконфликтных подростков. Это мы можем сделать путем рассмотрения характера размещений данных четырех групп одновременно по осям нескольких факторов. При этом, как видно из рисунка 1, фактор F2 («Легитимация — Табуирование») является ключевым для дифференциации «конфликтных» и «бесконфликтных» подростков. Два же других фактора F3 («Стремление к эмоциональной поддержке, одобрение матери — Стремление к повышению личного статуса, негативизм отца») и F1 («Моногамия — Полигамия») определяют гендерные особенности переживания сексуального опыта соответственно у «конфликтных» и «бесконфликтных» подростков. Рассмотрим содержательные особенности каждой из четырех групп.

Конфликтные мальчики. Конфликтное переживание собственного сексуального опыта, задается здесь особым типом взаимоотношений с ближайшим социальным окружением, когда опыт сексуальных отношений со стороны одноклассников всячески порицается («Одноклассники осуждают меня за то, что я веду половую жизнь»), и доминирует стратегия сокрытия половой жизни как от одноклассников, так и от обоих родителей (и от отца и от матери). При этом добавим, что сам опыт сексуальной жизни конфликтного мальчика-подростка сводится к единичному сексуальному контакту. Это и есть те характеристики, которые определяются отрицательным полюсом фактора F2 («табуирование»). Однако важно учесть, что к этим характеристикам добавляются и весьма существенные особенности, которые задаются отрицательным полюсом фактора F3. В первую очередь здесь следует выделить явно негативное отношение отца к половой жизни мальчика. Фиксация данного факта является, на наш взгляд, принципиальной, поскольку, согласно психоаналитическим представлениям, усвоение мужских образцов поведения, в том числе и сексуальных, возможна именно благодаря идентификации сына с отцом (Фрейд А., 2003;

Фрейд З., 1990). В данном же случае, когда именно отец жестко табуирует половую жизнь сына, между ними нарушается позитивная эмоциональная связь, что ведет не только к ограничению подростком своих сексуальных связей (сексуальный опыт сводится к прецеденту), но и к актуализации определенных защитных механизмов: мальчики при общении на темы, касающиеся сексуальных отношений, начинают использовать секс как средство, помогающее им самоутвердиться, «повысить свою значимость в глазах сверстников».

Конфликтные девочки. Так же как и у конфликтных мальчиков, у конфликтных девочек явно проявляется комплекс переживаний, связанных с табуированием сексуальной жизни (-F2): сокрытие от сверстников и родителей факта ведения половой жизни, сведение половой жизни к прецеденту, осуждение со стороны одноклассников. При этом особое внимание важно обратить на отношения конфликтной девочки с матерью по поводу ее (девочки) сексуальной жизни: мать демонстрирует амбивалентную позицию — она «знает» и «не знает»; она «терпима», и в то же время «от нее надо скрывать». По-видимому, именно проявление подобной непоследовательности в отношении матери к сексуальной жизни дочери и вызывает конфликтность переживаний девочкой собственного сексуального опыта. При этом если мы обратимся к особенностям размещения по оси фактора F3, то заметим, что в отличие от мальчиков отношения с ближайшим социальным окружением (в первую очередь с друзьями) у конфликтных девочек строятся не по линии актуализации защитного механизма, связанного с повышением своего личностного статуса, а по линии, ориентированной на получение эмоциональной поддержки, сопереживания в вопросах, касающихся сексуальной жизни.

Неконфликтные мальчики. Социальная среда этих подростков в отличие от конфликтных мальчиков и девочек, не содержит в себе негативных реакций и характе-

ризуется либо нейтральным, либо одобрителем отношением ближайшего социального окружения к их сексуальной жизни (+F2 «Легитимация сексуальной жизни»). Обратим внимание на то, что сама легитимация сексуальной жизни ведет к формированию своеобразной автономии подростка от родителей в вопросах, касающихся секса («Не обсуждаю с отцом темы, касающиеся моей половой жизни», «Не обсуждаю с матерью темы, касающиеся моей половой жизни»). При этом легитимация половой жизни совмещается с полигамными установками (-F1). Подобная ориентация на смену сексуальных партеров проявляется и в особом отношении к контрацептивам (их постоянному использованию). Таким образом, мы фиксируем, что преодоление возрастной запретительной нормы связано, с одной стороны, со снятием запрета со стороны ближайшего окружения («легитимация»), а с другой — с актуализацией традиционного для мужской культуры стиля сексуального поведения (полигамия).

Однако, помимо констатации проявления взрослости (путем совмещением легитимности и полигамных установок), важно обратить внимание и еще на один результат, который фиксирует своеобразие детско-родительских отношений. Специфика здесь состоит в том, что в ситуации бесконфликтного юноши принципиально изменяется позиция отца: вместо «негативной», как это было у конфликтных подростков, отец занимает в данном случае «терпимую» позицию. В этой связи можно думать, что именно отец и определяет характер табуирования/легитимности вопросов, касающихся сексуальной жизни у мальчиков-подростков. Вместе с тем важно учитывать и позицию матери. Действительно, своеобразие этапа преодоления возрастной запретительной нормы относительно сексуальной жизни у мальчика связано с негативным отношением матери («Мать знает, что я веду половую жизнь, и относится к этому крайне негативно»). Подобной реакции можно дать различные объяснения, например: ревность матери («измена» сына), ее неприятие полигам-

ного стиля сексуального поведения сына и др. Эти интерпретации можно множить, однако важно подчеркнуть, что для мальчика-подростка, уже преодолевшего конфликт нарушения возрастной нормы, негативные реакции матери не являются определяющими факторами в вопросах, связанных с запретами относительно сексуального поведения. Иными словами, легитимация нормы происходит со стороны отца, а не со стороны матери.

Неконфликтные девочки. У бесконфликтных девочек, т.е. у тех, кто ведет половую жизнь и считает допустимыми сексуальные отношения в их возрасте, своеобразии социальной ситуации также как и у неконфликтных мальчиков, состоит в том, что здесь явно проявляется поведенческий комплекс, который мы обозначили как «легитимация» (+F2). Суть его, повторимся, состоит в лояльном отношении сверстников («относятся нормально», «им все равно») и автономизации от мнения родителей (девочка-подросток предпочитает не обсуждать ни с отцом, ни с матерью темы, касающихся ее половой жизни). Однако, если мы учтем, что бесконфликтные девочки разместились на положительном полюсе фактора F1 («моногамность»), то характеристика их смысловой ситуации в отношении сексуальной жизни оказывается принципиально иной, чем у бесконфликтных мальчиков. В первую очередь это затрагивает содержательные особенности их отношений с родителями. Так, если у бесконфликтных мальчиков собственно от позиции отца и зависит легитимация ведения половой жизни («Отец относиться к этому терпимо»), то у бесконфликтных девочек в отношении с отцом, напротив, доминирует «стратегия сокрытия». На наш взгляд, формирование подобного рода отношений между девочкой и отцом является нормативным и культурно-обусловленным феноменом. Так, например, в соответствии с классическими психоаналитическим представлениями подростковый возраст характеризуется как период повторной актуализации инфантильной сексуальности, находящей свое отражение в развитии бурных

сексуальных фантазий, которые никогда не должны осуществиться. «Среди этих фантазий, закономерно и часто повторяясь, на первом месте находится дифференцированное уже благодаря половому притяжению сексуальное стремление ребенка к родителям, сына к матери, дочери к отцу» (Фрейд, 1990, с. 188). Основной же целью подросткового возраста является преодоление и оставление этих ясных инцестуозных фантазий, благодаря которому «совершается одна из самых значительных и самых болезненных психических деятельностей пубертатного периода — освобождение от авторитета родителей» (Фрейд, 1990, с. 188). Заметим, что, рассматривая ситуацию неконфликтной девочки, мы фиксируем, по сути, ту же тенденцию: влечение к отцу в силу культурных требований, связанных с ограничением инцеста, актуализирует желание дистанцироваться от отца путем реализации стратегии сокрытия от него факта ведения половой жизни. В этой связи вполне правомерен вопрос о том, в чем же тогда состоит психологический смысл преодоления возрастной нормы, связанной с запретом на сексуальные отношения? Действительно, если с отцом остается актуальной стратегия «сокрытия» и, добавим, мать проявляет выраженное негативное отношение к ведению дочерью половой жизни, то почему же сама девочка-подросток считает, что в ее возрасте это «вполне нормально»? На наш взгляд, ответ здесь надо искать в иной плоскости: не в отношениях с родителями, а в отношениях с *постоянным сексуальным партнером*. Суть преодоления конфликта заключается в том, что либидозные желания девочки уже не фиксируются на отце и не создают фрустрирующей ситуации, а переносятся на реального постоянного сексуального партнера.

* * *

Итак, мы рассмотрели четыре ситуации, связанные с конфликтным и бесконфликтным отношением мальчиков и девочек к своей сексуальной жизни. И, пожалуй, ос-

новой вывод, который можно сделать на основе проведенного анализа, связан с тем, что определяющую роль в формировании конфликтного или бесконфликтного переживания, связанного с ведением половой жизни, играют именно особенности отношения к данному факту ближайшего социального окружения. Наши данные показали, что возрастную ограничительную норму на вступление в сексуальные отношения удерживают как культурную именно родители и одноклассники. Причем характер отношения родителей и одноклассников создает не только определенный эмоциональный фон, благодаря которому подросток принимает или не принимает свою сексуальную жизнь, но и во многом определяет выбор той или иной поведенческой стратегии, которой подросток придерживается при взаимодействии с сексуальным(и) партнером(ами). Если перевести полученный результат в термины теории сексуальных сценариев, то своим исследованием мы попытались показать, как посредством родителей и сверстников осуществляется социальное конструирование конфликтного и неконфликтного отношения к собственной сексуальности на индивидуальном уровне и последующее выстраивание, исходя из специфики этого переживания, сценарного взаимодействия с партнером на межличностном уровне.

Литература

- Абросимова Э.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Сексуальное поведение в подростковой среде // Начальная школа плюс до и после. 2004. №3. С. 25–29.
- Кле М. Психология подростка (психосексуальное развитие). М.: Педагогика, 1991. 176 с.
- Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Социально-педагогический анализ. Дубна: Феникс+, 2001. 208 с.
- Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. 464 с.
- Собкин В.С., Абросимова Э.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Сексуальное поведение в подростковом возрасте // Труды по социологии образования. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 163–184.
- Собкин В.С., Абросимова Э.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Сексуальное поведение в период подростничества: социально-психологические аспекты // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2004. № 1, № 2. С. 28–34. С. 24–30.
- Собкин В.С., Баранова Е.В. Социально-психологические особенности переживания сексуального опыта в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 55–67.
- Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. — М.: ЮНЕСКО, 1998. 120 с.
- Фрейд А. Эго и механизмы защиты. М.: ЭКСМО, 2003. 256 с.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
- Bettor L., Hendrick S. S., Hendrick S. S. Gender and sexual standards in dating relationships // Personal Relationships. 1995. 2. P. 359–369.
- Brooks G. R. The Centerfold Syndrome: How Men Can Overcome Objectification and Achieve Intimacy with Women. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers, 1995.
- Byers E. S. How well does the traditional sexual script explain sexual coercion? Review of a program of research // Journal of Psychology and Human Sexuality. 1996. 8. P 7–25.
- Clark R. D. and Hatfield E. Gender differences in receptivity to sexual offers // Journal of Psychology and Human Sexuality. 1989. 2. P. 39–55.
- deWeerth C., Kalma A. Gender differences in awareness of courtship initiation tactics // Sex Roles. 1995. 32. P. 717–734.
- Ehrhardt A. A., Yingling S., Zawadzki R., Martinez-Ramirez M. Prevention of hetero-

- sexual transmission of HIV: barriers for women // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. 1992. 5. P. 37–67.
- Gagnon J.H., Simon W. Sexual scripts: origins, influences and changes // *Qualitative sociology*. 2003. Vol. 26. № 4. P. 491–497
- Gilmore S., DeLamater J., Wagstaff D. Sexual Decision Making by Inner City Black Adolescent Males: A Focus Group Study // *Journal of Sex Research*. 1996. Vol. 33. Issue 4. P. 363–371.
- Gomez C. A. and VanOss-Marin C. Gender, culture, and power: barriers to HIV-prevention strategies for women // *The Journal of Sex Research*. 1996. 33. P. 355–362.
- Hammer J. C., Fisher J. D., Fitzgerald P., Fisher W. A. When two heads aren't better than one: AIDS risk behavior change in college-age couples // *Journal of Applied Social Psychology*. 1996. 26. P. 375–397.
- Hatfield E. and Rapson R. L. *Love and Sex: Cross-cultural Perspectives*. Boston, MA: Allyn & Bacon, 1996.
- Hynie M., Lydon J. E., Cote S. and Weiner S. Relational sexual scripts and women's condom use: the importance of internalized norms // *The Journal of Sex Research*. 1998. 35. P. 370–380.
- Leigh B. C. Reasons for having and avoiding sex: gender, sexual orientation, and relationship to sexual behavior // *The Journal of Sex Research*. 1989. 26. P. 199–209.
- Maticka-Tyndale E. Sexual scripts and AIDS prevention: variations in adherence to safer sex guidelines by heterosexual adolescents // *Journal of Sex Research*. 1991. 28. P. 45–66.
- Maticka-Tyndale E., Gallant M., Brouillard-Coyle C., Holland D., et.al. The sexual scripts of Kenyan young people and HIV prevention // *Culture, Health & Sexuality*. 2005 Jan/Feb. Vol. 7. Issue 1. P. 27–41.
- Miller P.Y., Simon W. *The development of sexuality in adolescence*. New York. Handbook of Adolescent Psychology. 1980.
- Laumann E., Gagnon J., Michael R. and Michael S. *The Social Organization of Sexuality. Sexual Practices in the United States*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1994.
- O'Sullivan L. F. Less is more: the effects of sexual experience on judgements of men's and women's personality characteristics and relationship desirability // *Sex Roles*. 1995. 33. P. 159–181.
- O'Sullivan L. F. and Allgeier E. R. Feigning sexual desire: consenting to unwanted sexual activity in heterosexual dating relationships // *The Journal of Sex Research*. 1998. 35. P. 234–243.
- O'Sullivan L. F., Byers E. S. College students' incorporation of initiator and restrictor roles in sexual dating situations // *The Journal of Sex Research*. 1992. 29. P. 435–446.
- Ortiz-Torres B., Williams S. P. and Ehrhardt A. A. Urban women's gender scripts: implications for HIV prevention // *Culture, Health and Sexuality*. 2003. 5. P. 1–17.
- Peplau L. A., Rubin Z. and Hill C. T. Sexual intimacy in dating relationships // *Journal of Social Issues*. 1977. 33. P. 86–109.
- Pilkington C. J., Kern W., & Indest D. Is safer sex necessary with a "safe" partner? Condom use and romantic feelings // *The Journal of Sex Research*. 1994. 31. P. 203–210.
- Reiss I. L. *The Social Context of Premarital Sexual Permissiveness*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1967.
- Rose S. and Frieze I. H. Young singles' scripts for a first date // *Gender and Society*. 1989. 3. P. 258–268.
- Rose S. and Frieze I. H. Young singles' contemporary dating scripts // *Sex Roles*. 1993. 28. P. 499–509.
- Rosenthal D., Gifford S. and Moore S. Safe sex or safe love: competing discourses? // *AIDS Care*. 1998. 10. P. 35–47.
- Seal D. W., Ehrhardt A. A. Masculinity and urban men: perceived scripts for courtship, romantic, and sexual interactions with

women // Culture, Health & Sexuality. 2003 Jul/Aug. Vol. 5. Issue 4. P. 295–319.

Seal D. W., Wagner L. I. and Ehrhardt A. A. Sex, intimacy, and HIV: an ethnographic study of a Puerto Rican social group in New York city // Journal of Psychology and Human Sexuality. 2000. 11. P. 51–92.

Tiefer L. Sex is Not a Natural Act and Other Essays. Boulder, CO: Westview Press, 1995.

Wyatt G. The sociocultural relevance of sex research // American Psychologist. 1994. 49. P. 748–754.